

несложное ремесло или торговлю и помогать нуждающимся личнымъ тру-
домъ. Позднѣе, въ первые вѣка христіанства и даже дальше, вплоть до
осложенія, которое принесло жизни новое время, также нетрудно было
внимать призывамъ тѣхъ, кто шелъ по слѣдамъ Христа и неослабно напо-
миналъ о любви къ ближнимъ. Теперь, при широко развитѣленномъ труде,
при дѣлѣ общества на безчисленныя группы по занятіямъ и складу жизни, при
ростѣ городовъ, совѣты Толстого направлять всѣ силы на содѣйствіе
крестьянамъ въ ихъ сельско-хозяйственномъ труде и отрицаніе денегъ,
этого могущественнаго и часто незамѣннаго средства для истинной bla-
готворительности, являются чѣмъ-то наивными, непродуманными. Это—
копировка старыхъ великихъ образцовъ, которые въ далекомъ прошломъ
были достаточно связаны съ дѣйствительностью. Вотъ почему призывы
Толстого къ развитию и укрепленію любви между людьми не могутъ при-
нести столь обильныхъ плодовъ, какъ мечтаютъ его поклонники. Онъ имѣть
небольшую кучку послѣдователей, которые упростили свою жизнь; они
стараются выразить свое дружелюбіе въ формѣ, особенно любезной ихъ
учителю. Но это не доказываетъ ровно ничего: всегда и вездѣ есть люди,
склонные къ добру, равнодушные къ вѣнчаннымъ условіямъ жизни, готовые
измѣнить свою судьбу, лишь бы служить ближнему. Эти люди давали
бы просторъ своимъ добрымъ влеченіямъ и безъ совѣтовъ Толстого. Не-
сомнѣнно, среди нихъ найдутся и такие, которые, не слѣдя учителю без-
оговорочно, оставаясь при своемъ специальномъ занятіи и помогая ближ-
нимъ деньгами или профессиональными совѣтами, приносили бы больше
пользы, нежели пріобщаясь къ сельско-хозяйственному труду. Будь
слѣпыхъ послѣдователей даже довольно много, ссылка на нихъ не была
бы убѣдительна. Огромное большинство людей имѣть нѣкоторую,—въ об-
щемъ, умѣренную,—наклонность къ добру. Когда они слышать о призы-
вахъ проявлять любовь, то готовы прославлять тѣхъ, кто призываетъ. Но
для воздействиа на ихъ душу необходимо что-нибудь конкретное и простое.
Разъ этого нѣтъ, то общія напоминанія не даютъ плодовъ. Если есть
наглядная форма, но она непрѣемлема для множества людей, ибо разру-
шаетъстрой ихъ жизни, то призывы оказываются еще меньше вліянія.
Многіе, слушая ихъ и отрица предложенную форму, какъ непригодную,
становятся склонны отвергать и ея ядро, считать самые завѣты о любви
къ ближнему только безодержательными словами.

Такова слабая сторона Толстого, какъ моралиста. Я не вижу основ-
ненія признавать его религіознымъ реформаторомъ. Творцы религій, а
равнымъ образомъ и реформаторы, внесли въ обиходъ людей хоть что-
либо новое и удобопрѣемлемое для многихъ членовъ данной среды. Создан-
ное Христомъ, Моисеемъ, Буддой, Конфуціемъ, Магометомъ нашло откликъ
въ сердцахъ многихъ миллионовъ. Упрощеніе и очищеніе церкви, составляя
жизненную задачу Лютера и Кальвина, удовлетворило также множество
людей. Толстой—въ иномъ положеніи. Онъ не создалъ новой религіи, а
потому и нельзя ставить его на ряду съ творцами вѣроученій. Нѣтъ осно-
ванія говорить, что онъ очищаетъ догматическую вѣру, т. е. проводить
параллель, напримѣръ, между нимъ и Лютеромъ. Я не согласенъ со мнени-
емъ, однако, что все онъ правильны, и что нужно цѣликомъ принять
критику, которой онъ подвергаетъ православную и другія христіанскія
церкви: и въ этомъ случаѣ нельзѧ признать его религіознымъ реформа-
торомъ.

Каждая изъ христіанскихъ церквей была много разъ предметомъ
всесторонней критики. Послѣдняя дала тѣ практическія послѣдствія, что отъ
господствующихъ вѣроученій откололись безчисленныя секты, отвергли
обрядовую сторону или, по крайней мѣрѣ, до послѣдней степени сократили
и упростили обряды. Критика привела и къ тому, что повсемѣстно мил-